

УДК 94(495)

В статье рассматривается характер власти латинских императоров Константинополя. В результате изучения надписей на имперских печатях и текстов письменных источников авторы приходят к выводу, что правлению франкских государей были присущи четыре основных элемента: ромейская титулатура, исполнение обязанностей «высшего сюзерена» и «защитника Романии», а также доминирующее положение монарха над Церковью.

Ключевые слова: Латинская империя, IV крестовый поход, Константинополь, Романия, Генрих Фландрский.

The article describes the main characteristics of the power of the Latin emperors of Constantinople. As a result of studying inscriptions on imperial seals and texts of written sources, the authors come to the conclusion that the rule of the Frankish princes had four basic elements: the Roman titlature, the performance of the duties of the “supreme overlord” and “defender of Romania”, and the dominant position of the monarch over the Church.

Keywords: Latin Empire, Fourth Crusade, Constantinople, Romania, Henry of Flanders.

Е. С. Данилов, Д. Л. Фролов, В. В. Дементьева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: explorer@list.ru

E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

Imperator и Βασιλεύς:

две стороны власти латинского правителя Константинополя

Научная статья

E. S. Danilov, D. L. Frolov, V. V. Dementyeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Imperator and Βασιλεύς:

Two Sides of Power of the Latin Ruler of Constantinople

Scientific article

Вскоре после падения Константинополя в 1204 г. в соборе Святой Софии состоялись выборы первого латинского императора Романии. Им по результатам франко-венецианского голосования стал Балдуин – граф Фландрии, один из наиболее выдающихся предводителей IV крестового похода¹. Его коронация стала началом владычества западноевропейских рыцарей в городе Константина, продолжавшегося без малого 57 лет (до 1261 г.). За это время на императорском престоле сменились четыре правителя: брат Балдуина – Генрих (1206–1216), Пьер II де Куртене (1217–1219), Робер де Куртене (1219–1228) и Балдуин II де Куртене (1228–1261)². Все они были феодалами франкского происхождения и, как писал еще П. Е. Медовиков, являлись «главами феодального общества, долженствовавшего утвердиться в Латинской империи» [2, с. 26].

Установлению этого «нового устройства» на завоеванных территориях были посвящены дого-

воры 1204–1205 гг. Их тексты по большей части содержали различные постановления, утверждавшие (но не регламентировавшие) вассально-ленные отношения среди латинян. Частью этой новой социальной структуры впоследствии стали (на особых правах) и «греческие» архонты [3, с. 18]. Однако же этим все «феодальное общество» новых государств, собственно, и исчерпывалось. В число его представителей не входили горожане, ортодоксальное духовенство, крестьяне и иные группы местного населения. Для них латинский император не мог стать высшим сюзереном в полном смысле этого слова: они не приносили господину прямой оммаж, а если и приносили, то не придавали ему такого значения, как западные рыцари. Ведь данный вид подчинения не был характерен для Византии.

В таком случае, как правитель легитимизировал свою власть над этими людьми? Возможно, он, будучи «алчным захватчиком», просто их игнорировал, полагаясь исключительно на военную силу окружавших его феодалов, эксплуатировав-

¹ О процедуре выборов см. [1, р. 449].

² Номинально оставался императором до 1273 г.

ших «простых греков» и разрушавших наследие Романии? Действительно, утверждения, подобные этому, достаточно популярны среди некоторых медиевистов [4–8]. Тем не менее мы с ними категорически не согласны. По нашему мнению, исследователи, поддерживающие концепцию борьбы католического Запада с «православным» Востоком, не принимают во внимание тот факт, что латинский властитель был не только феодалом на византийском престоле, но и наследником ромейского василевса. И этот статус подчеркивался всеми императорами Константинополя, начиная с Балдуина I, посредством официального именованья своего государства «Romania» или «Imperium Romaniae».

Не менее важную роль в данной политике играл и титул, использовавшийся государями. Обратим внимание на то, что уже со времени восшествия на престол первого фландрского императора официальные документы скреплялись печатями на двух языках: латинском и греческом. К примеру, на одну из них были нанесены следующие формулы [9, p. 5]:

Аверс: ΒΑΛΔΟΥΙΝΟΣ ΔΕΣΠΟΤΗΣ

Реверс: BALD(uinus) D(e)I GRA(tia) IMP(e)R(ator) ROM(aniae) FLANDR(iae) Z(et) HAIN(oniae) COM(es)

Идентичное «греческое звание» использовал и Генрих I, что подтверждается двумя надписями периода его правления [9, p. 9–11]:

Аверс 1: ΕΡΡΙΚΟΣ ΔΕΣΠΟΤΗΣ

Аверс 2: ΕΡΡΙΚΟ(Σ) ΔΕΣΠΟΤΗΣ

Реверс 1: HENRIC(us) D(e)I GR(a)TIA INPATOR (Imperator) ROIE (ROMANIAE)

Реверс 2: в плохой сохранности

На первый взгляд факт отсутствия на печатях этих властителей наименования «Βασιλεύς» является весьма примечательным, но отметим, что полная замена термина «василевс» на «деспот» встречалась и во время правления Мануила Комнина (ΜΑΝΥΗΛ ΔΕΣΠΟΤΗΣ ὁ πορφυρογέννητος) [10, с. 86], впоследствии тот же вариант использовал и Михаил Палеолог (Μ(ι)Χ(α)λ(α) ΔΕΣΠ(ο)Τ(η)ς Ο ΠΑΛ(α)ΟΛΟΓΟΣ) [10, с. 95]. Поэтому использование титула «δеспότης» первыми латинскими императорами Константинополя не следует считать отклонением от предшествующей (и последующей) ромейской нормы. Более того, по сведениям Ф. Ван Трихта, начиная с прихода к власти Генриха Фландрского, франкские монархи именовали себя также и «автократорами», что в Византии дозволялось делать исключительно императорским особам [11, p. 75].

Впоследствии данная «идеологическая связь» стала демонстрироваться главами государства еще

сильнее. Например, Балдуин II из дома Куртене, являвшийся последним фактическим правителем латинского Константинополя, расширил «греческий» вариант собственных печатей [9, p. 15]:

ΒΑΛΔΟΥΝΟΣ ΔΕΣΠΟΤΗΣ ΠΟΡΦΥΡΟΓΕΝΝΗΤΟΣ Ο ΦΛΑΝΔΡΑΣ

Определенные изменения претерпела и латинская версия:

B(alduinus) D(e)I GRA(tia) IMP(er)ATOR (ro) MANIAE SE(m)P(er) AVG(ustus)

Таким образом, к уже упомянутому титулу деспота была добавлена информация о том, что Балдуин является «порфирородным, принадлежащим к фландрскому дому»³, т. е. законным императором Романии из фламандской династии. Несомненно, что данная формулировка преследовала две цели: внешне- и внутриполитическую. Она должна была демонстрировать преемственность франкской власти, с одной стороны, правителям соседних государств (Никеи, Эпира), с другой – ромеям, проживавшим на территории империи. Косвенно это подтверждает и своеобразная унификация «греческого» и латинского варианта именованья властителя: в латинском «исчезают» все сведения, касающиеся «европейского» происхождения Балдуина. Вместо них отныне используется словосочетание «Semper Augustus».

Подобная традиция продолжалась и позднее. Несмотря на возвращение Константинополя Михаилом Палеологом в 1261 г., номинальный правитель Филипп де Куртене продолжил называть себя фламандским порфирогенетом, при этом добавив на свою печать словосочетание «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΑΙ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡ ΡΟΜΕΟΝ» [9, p. 22]. И если сравнить официальные именованья Михаила (на основании надписей на одном хрисовуле и двух моливдовулах: ΜΙΧΑΗΛ ΔΕΣΠΟΤΗΣ Ο ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟΣ [10, с. 95]) и Филиппа, то можно прийти к выводу, что латинянин имел на престол больше прав, чем византиец⁴. И этот факт еще раз подтверждает то, с каким вниманием относились франкские императоры Романии к признанию своего законного статуса (василевса, автократора или деспота) среди ромейского населения.

Рассмотрев развитие официального титула константинопольских властителей периода 1204–1261 гг., перейдем к изучению вопросов, связанных с взаимоотношениями главы государства и подданных.

³ Был сыном Иоланды де Эно, приходившейся сестрой Генриху I и Балдуину I.

⁴ Отметим, что латинская версия печати со времени правления Балдуина II не изменилась.

И в первую очередь обратим внимание на устройство нового императорского двора. Здесь, как это было и до завоевания Константинополя в 1204 г., правителя окружали различные должностные лица. Однако весьма разветвленная система высшей бюрократии, характерная для периода ромейского владычества, в это время была практически полностью уничтожена. На смену ей пришел совет, состоявший из двенадцати баронов – наиболее крупных феодалов государства⁵, являвшихся прямыми вассалами императора. Именно в этом кругу решались основные внутри- и внешнеполитические вопросы. Помимо данного органа управления, существовали и типично-европейские придворные должности. Так, известный хронист IV крестового похода Жоффруа де Виллардуэн выполнял обязанности маршала [12, LXXII], а его племянник – князь Ахейи – в 1209 г. был пожалован в сенешали Романии [12, § 670]. Определенную роль в принятии решений (особенно в период правления Балдуина I) играли и папские легаты [12, LXXXVI]. В свою очередь, константинопольский патриарх выполнял функцию помазания наследника на царствие [13, Ann. VIII, Ep. XXI].

Из сохранившихся «ромейских» должностей следует выделить эпарха Константинополя, называемого латинянами «*castellanus*» [11, p. 115], эфора, ранее заведовавшего городскими финансами, а также квестора священного дворца [11, p. 116]. Нам неизвестно, какие именно функции эти люди исполняли при франкском правлении. Тем не менее употребление термина «кастелян» по отношению к Доминику Манию (занимавшему высокое положение и при Ангелах) свидетельствует о том, что этот представитель старой бюрократии в той или иной степени занимался вопросами содержания укреплений, гарнизона и прилегающих территорий [14, с. 71–72]. Использование остальных византийских придворных титулов в латинский период не зафиксировано. Соответственно, здесь не наблюдается и ярко выраженного принятия «греческой» традиции новыми императорами: за редкими исключениями двор состоял из европейцев и на официальных основаниях в него практически не входили ромейские аристократы⁶.

За пределами дворца все население государства состояло из двух неравнозначных по численности групп: уже упомянутых нами «представителей фео-

дального общества» и ромеев различного происхождения, в «новую социальную структуру» не входивших. По отношению к первым константинопольский правитель выступал в качестве высшего сюзерена. Модель управления была максимально близка к французской: изначально императору «напрямую» подчинялись бароны государства и король Фессалоник [12, LXVIII]. Впоследствии непродолжительное время вассалом Генриха Фландрского был и князь Ахейи [12, § 670]. Отметим, что такая система была понятна большинству завоевателей-франков. Ее принятие стало логичным шагом к укреплению обороноспособности государства, так как именно феодалы составляли основную военную силу империи⁷.

Для большинства же ромеев «классические» вассально-ленные отношения оставались чуждыми. По мнению Ф. Ван Трихта, во время коронации Балдуина I множество «греков» совершило более традиционную проскинезу перед «святым императором» [11, p. 83]. В подтверждение своих слов медиевист ссылается на фрагмент из «Завоевания» Робера де Клари [16, XCVII]. Обратим внимание на то, что в тексте французского хрониста содержится и еще одно упоминание об «изъявлении покорности» жителей нескольких византийских городов новому властителю [16, XCIX]. И в обоих случаях для описания этих событий средневековый автор использует одинаковую формулу: «*et l'aouoient li Grieu tout comme saint empereres*» [16, XCVII, XCIX]. Один из возможных переводов данной фразы – «и все греки преклонились (перед ним) как перед святым императором» – вполне соответствует «простиранию ниц» подданных перед ромейским государем. Аргументом в пользу такой трактовки является и то, что де Клари в упомянутых параграфах не употребляет термин «*homage*» или какой-либо из его синонимов, обозначающих именно вассальную присягу⁸.

Несмотря на это, мы считаем позицию Ф. Ван Трихта недостаточно обоснованной, так как она противоречит сведениям из произведения другого современника IV крестового похода – Жоффруа де Виллардуэна, видевшего в признании власти Алексея IV адрианопольцами именно *оммаж* («*et firent fealte l'empereor*») [12, XLIII]. Исходя из этого, глагол «*aouoient*» в тексте Робера можно перевести иначе, а именно русским словом «поч-

⁵ Практически идентичная система управления существовала и в Ахейском княжестве.

⁶ Возможно, одним из знатных ромеев, оказывавших сильное влияние на императора, был Феодор Врана. Его биографию см. [15, с. 581–583].

⁷ В битве против болгарского царя Борила, по словам Анри де Валансьена, участвовало 15000 франков и 3000 «греков» [12, § 543].

⁸ Для описания «законной присяги» Клари употребляет словосочетание «*juré feeuté*» [16, XXXIV].

тили». И именно в этом значении он встречается в одной из частей «Завоевания» («En chel ymage si avoient li Grieu si grant fianche, que il l'aouroient seur toute rien, et si le portoient cascun de mars à pourchession; si l'aouroient li Grieu, et donnoient lui moult grans dons») [16, CXIV]. Поэтому определить то, согласно какой традиции осуществлялся переход ромеев под опеку латинского государя, представляется нам практически невозможным.

Однако мы не станем отрицать существование «прямых» договоренностей между императором и «греческими» подданными. В частности, об этом свидетельствует и описание Анри де Валансьена, посвященное количественному соотношению войск болгарского царя Борила и Генриха Фландрского. Так, по сведениям хрониста, войско константинопольского правителя состояло не более чем из 15000 мужей франкского происхождения и трех тысяч «простых греков» («et nostre gent n'en avoient ke quinze, et trios de purs Grifons») [12, § 543]. Упоминание ромеев без собственного полководца или руководившего ими европейского сюзерена позволяет предположить, что они были набраны по соглашению с государем, заключенному ранее. При этом ясно, что византийский отряд не состоял из архонтов, перешедших на службу к латинянам (иначе по отношению к ним Анри не стал бы использовать прилагательное «pur»). Вероятно, он мог быть создан из горожан или земледельцев, поддерживавших основные силы во время похода и выполнявших таким образом свою обязанность являться на службу к франкскому властителю⁹.

В свою очередь, основным долгом императора являлась защита местного населения от нападений вражеских войск. Ярким примером тому можно считать просьбу адрианопольцев о защите Димотики от царя Калояна, выполненную Генрихом I, несмотря на неуккомплектованность его армии [12, ХCVIII–ХСIX]. Данная практика, по-видимому, имела свое продолжение и в дальнейшем: так, правитель неоднократно внимал мольбам «греков» о помощи в усмирении болгар [12, СII], результатом чего стала окончательная победа над ними в 1211 г. Исходя из этого, можно утверждать, что ромейское население при латинской власти не было «брошено на произвол судьбы». Напротив, государь, как это было и в случае с его официальным титулом, позиционировал себя как защитника «для всех», даже

⁹ До этого в борьбе с Калояном принимали активное участие городские контингенты Адрианополя и Димотики [12, СIII].

несмотря на то, что нам неизвестны какие-либо законодательные нормы, регулировавшие его отношения с «простыми» ромеями.

Гораздо шире в текстах источников освещена борьба между латинским императором и «новой» константинопольской церковью. Ее возникновение во многом было обусловлено переносом старого ромейского патриархата в Никею. И на начальном этапе становления католической власти в Романии глава государства практически не вмешивался в дела высшего клира: в соперничестве за контроль над кафедрой тогда участвовали венецианцы (утвердившие патриарха) и Рим¹⁰. Ситуация стала кардинально меняться со времени восшествия на престол Генриха I. Именно этот правитель, недовольный отсутствием франков и фламандцев среди каноников Святой Софии, начал проводить активную политику по подчинению церкви. С 1206 по 1210 г. в состав высшего клира империи вошли шесть выходцев из Франции, некоторые из них находились в тесных отношениях с властителем [17, р. 231]. Возможно, что именно из-за влияния, ими оказываемого, венецианский патриарх Томмазо Морозини был вынужден согласиться с постановлениями Равеннского парламента, уравнивавшими налоговое обложение католического и ортодоксального духовенства [18, 371]. На том же собрании император вывел из-под юрисдикции патриархата «православные» монастыри, что опять-таки не вызвало возмущения со стороны главы латинской церкви. Доминирующая роль Генриха Фландрского в духовных делах становилась все более очевидной, и к 1213 г. его внутривосточного авторитета уже было достаточно для того, чтобы санкционировать изгнание папского легата из Константинополя¹¹. Примечательно, что причиной тому стала попытка введения унии Престолом, а предлогом – возмущение по этому поводу, царившее среди ромеев [19, р. 1030].

Такая система, основанная на подчинении церкви государству, в общих чертах действительно была схожа с византийской. Возможно, именно поэтому уже упомянутый нами Ф. Ван Трихт считает, что религиозная политика латинских государей испытала сильное влияние ромейской имперской идеологии [11, р. 101]. По нашему мнению, данное

¹⁰ О борьбе за руководство Константинопольской церковью см. [17].

¹¹ Этим легатом был человек, по имени Пелагий, о значении которого свидетельствует текст одного из писем Иннокентия III [13, Ann. XVI, Ep. CIV].

объяснение имеет под собой некоторые основания, но главная причина возникновения «франкского цезаропапизма» заключается в другом, а именно в количественном преобладании «греческого» населения над европейским. Ущемление византийцев по признаку веры со стороны представителей католической церкви могло привести к уничтожению самого государства, и усиление контроля над западным клиром являлось логичным шагом для стабилизации обстановки внутри страны. Более того, аналогичные действия светской власти можно проследить и на Востоке – в Иерусалиме и Антиохии, где «православные» являлись главными союзниками латинян в борьбе с мусульманами. Именно поэтому мы полагаем, что доминирование Генриха I над константинопольским патриархатом возникло скорее из насущной потребности по сохранению целостности империи, а не из стремления к продолжению многовековой ромейской традиции.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что правители Латинской империи позиционировали себя в качестве наследников «греческих» василевсов, о чем свидетельствует их официальный титул и само название государства, фиксирующееся в ряде источников. Однако в реальной практике стремление императоров следовать византийской традиции проявилось не столь сильно. Так, отношения с «завоевателями» были подчинены нормам феодального права. Константинопольский двор периода 1204–1261 гг. состоял преимущественно из европейцев, а по отношению к западному рыцарству властитель выступал в качестве высшего сюзерена. Для демонстрации своего покровительства над «завоеванными» государями-фламандцы преподносили себя как «защитников всех подданных», участвуя в обороне «греческих» городов, находившихся под угрозой разграбления болгарами. С этой же целью проводились и кардинальные изменения в управлении церковью при Генрихе I, ставшем к 1213 г. фактическим главой константинопольского патриархата. Тем не менее и здесь руководители Латинской империи развивали скорее не византийские нормы, а тенденции, ранее наблюдавшиеся в христианских государствах Востока.

Таким образом, власти франкских правителей были присущи четыре основных элемента: ромейская титулатура (δеспότης, αὐτοκράτωρ, βασιλεύς), исполнение обязанностей «высшего сюзерена» и «защитника Романии», а также доминирующее положение императора над Церковью.

Ссылки

1. Tafel G., Thomas G. *Urkunden zur Alteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig*. Wien, 1856. 603 S.
2. Медовиков П. Е. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849. 164 с.
3. Карпов С. П. *Латинская Романия*. СПб., 2000. 256 с.
4. Le Goff J. *La civilisation de l'Occident médiéval*. Paris, 1964. 693 p.
5. Runciman S. *A history of the Crusades*. Cambridge, 1987. 529 p.
6. Norwich J. *A Short History of Byzantium*. London, 1999. 430 p.
7. Горянов Б. Т. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи // *Византийский временник*. 1958. № 14 (39) С. 85–96.
8. Заборов М. А. *Крестоносцы на Востоке*. М., 1980. 320 с.
9. Schlumberger G. L. *Sceaux et bulles des empereurs latins de Constantinople*. Caen, 1890. 64 p.
10. Соколова И. В. *Печати византийских императоров*. СПб., 2007. 120 с.
11. Van Tricht F. *The Latin Renovatio of Byzantium*. Leiden, 2011. 544 p.
12. *La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes / édité par M. Natalis de Wailly*. Paris, 1872. 550 p.
13. Innocentius III – *Regestorum Sive Epistolarum // Patrologiae cursus completus. Series Latina / ed. J. P. Migne*. Paris, 1855. Т. CCXV. P. 1–1612.
14. Шандровская В. С. *Эпархи Константинополя XI–XII вв. (По данным печатей Эрмитажа) // Античная древность и средние века*. 1992. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. С. 62–77.
15. Диль Ш. *Византийские портреты*. М., 2011. 744 с.
16. Robert de Clari. *Conquête de Constantinople / édité par P. Lauer*. Paris, 1924. 132 p.
17. Wolff. R. L. *Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261 // Dumbarton Oaks Papers*. 1954. Vol. 8. P. 225–303.
18. Успенский Ф. И. *История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос*. М., 1996. 831 с.
19. Γεώργιος Ἀκροπολίτης. *Χρονική Συγγραφή // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / ed. J. P. Migne*. Paris, 1887. Т. CXL. P. 969–1220.